

КОРОЛЕВА МЕНЯЕТ ЦВЕТ

Татьяна
Миненкова

**LIKE
BOOK**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М61

Художественное оформление *Александра Андреева*

Иллюстрация на переплете KEKOVSKY

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Afishka, Rambo ayudthaya / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Миненкова, Татьяна Павловна.

М61 Королева меняет цвет / Татьяна Миненкова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-242072-6

Между «ашками» и «взшками» с начальной школы тлеет война — беспощадная и бесконечная, как шахматная партия, где каждый ход может стать роковым. Бойкая хулиганка Аниса — королева «взшек». Она привыкла с гордостью носить свой титул. Ее слово — закон для пешек, а противники дрожат от одного ее взгляда.

Но все меняется, когда ее неожиданно переводят в «А» класс — прямо в тыл врага. Теперь Анисе предстоит вести игру на чужом поле, где она не королева, и даже не пешка. Среди ботаников она — изгой.

Они еще не знают, на что способна Черная королева. Она даст бой, но и сама не поймет: на поле этой битвы ее встретит нечто куда более опасное, чем интриги и стычки.

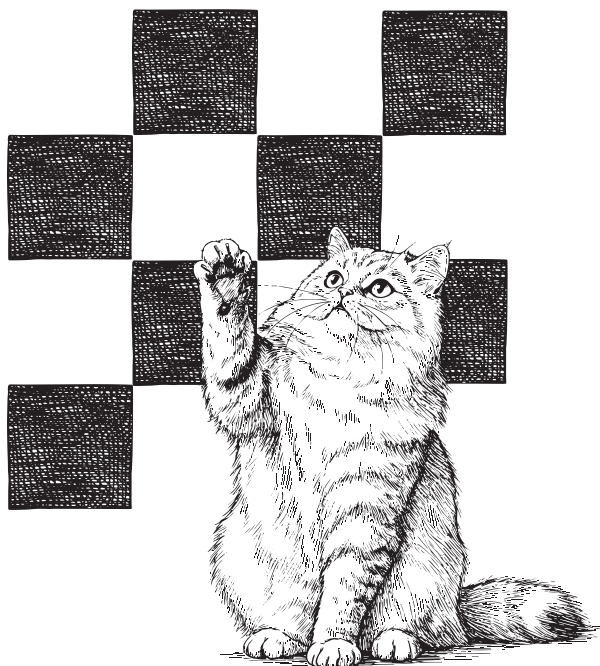
Любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242072-6

© Миненкова Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Посвящается Марсику
(простите, Ваше Величество) —
Максимусу Аристократу, коту-который-выжил.
Без него не было бы ни одной
из моих историй.*

*Pyromania — Tommee Profitt,
Royal & the Serpent*

1. Наказание

25 сентября, среда

«Защищать голову!» — мысленно повторяю я один из главных принципов карате и торопливо принимаю правильную стойку.

На мне почти нет защитной экипировки, на Тиме, стоящем напротив, только доги¹ и перчатки. Шестаков улыбается, в его взгляде сверкают искорки авантюризма. Он вряд ли станет биться в полную силу — поддастся, как обычно. И все же противник у меня серьезный. Делаю глубокий вдох, настраиваясь на бой. Выбрасываю лишние мысли из головы. Концентрируюсь.

— Хаджиме! — кричит тренер, это сигнал начать спарринг.

Первый тычок прилетает от Тимура — прямой и тяжелый. Едва успеваю увернуться и ответить ударом ногой. Он проходит мимо головы соперника, но я ощущаю прилив уверенности. Так всегда бывает: главное — начать, а дальше действовать по наитию.

¹ До ги — это традиционная форма одежды, используемая в различных боевых искусствах, включая карате. Слово «доги» состоит из двух иероглифов: «до», что означает «путь», и «ги», что переводится как «одежда». Получается что-то вроде «одежды для пути».

Мы с Шестаковым не первый год знаем друг друга. Тиму известны мои слабости, и он умеет использовать их в своих интересах: давит весом, теснит ударами к краю татами, сделав резкий шаг вперед, пытается провести захват. Я отскакиваю назад и контратакую с разворота.

Тренер внимательно наблюдает за нами. А когда я, извернувшись, все же попадаю ногой в голову соперника, комментирует:

— Молодец, Романова!

Обрадовавшись, тут же получаю тычок в живот, потом в грудь. Не больно, скорее неожиданно. Отскакиваю и хмурюсь.

— Внимательнее, Ниса, — усмехается Тим, но я стираю его усмешку серией четких и уверенных ударов.

У нас разные категории, но тренер разрешает нам биться в паре. Силу Тима я легко компенсирую скоростью, гибкостью и умением уворачиваться. Карате — это ведь не только бои. Это еще духовная дисциплина, настойчивость, упорство и умение побороть собственные сомнения и слабости. И у нас с Тимом не совсем борьба — это взаимодействие, где каждый стремится стать лучше, сильнее, выносливее.

Вот и в этот раз победителя нет. После команды останавливаться мы с Шестаковым коротко кланяемся друг другу. Восстанавливаем дыхание.

— Аниса, контролируй дистанцию, — выговаривает Андрей Владимирович, когда ученики выстраиваются на татами. — А ты, Тимур, ногами больше работай. Ленишься, поддаешься. В следующий спарринг встанешь с Киреевым, он тебя живо уделает.

— А поставьте, — широко улыбается Тим, — посмотрим еще, кто кого уделает, сэмпай...¹

¹ С э м п а й — уважительное обращение к тренеру, дословно: «тот, у кого больше опыта».

Девочек отпускают переодеваться первыми. И пока Шестаков препирается с тренером, я успеваю стянуть штаны и куртку. Душ в школьном спортзале не предусмотрен, поэтому футболку и джинсы приходится надевать на влажную от испарины кожу.

С удовольствием расплетаю тугий пучок на голове, позволив иссиня-черным волосам упасть на плечи тяжелой волной. Умываю лицо в раковине и смотрюсь в зеркало напоследок: на бледных щеках румянец, синие глаза горят азартом недавнего боя, на скуле едва заметная ссадина — след пропущенного удара. Ерунда, завтра будет почти незаметно.

— Пойдем провожу! — Тим уже дожидается меня, подпирая стену у входа в школу.

Пожимаю плечами:

— Зачем? Не темно ведь.

Еще даже сумерки не опустились. В сентябре день еще длинный, почти как летом. Но солнце уже зависло на горизонте, залив улицу красно-золотыми лучами. Легкий ветер принес первую прохладу, и я торопливо натягиваю черную косуху на тонкий свитер.

— Все равно по пути, — с напускным безразличием отзывается Шестаков и, не дожидаясь разрешения, идет со мной.

Вообще-то ему совсем не по пути. Чтобы проводить меня, ему придется сделать крюк через две улицы, но раз хочется — пусть идет. Под ногами шуршат опавшие листья, смешиваясь в пестрое полотно из желтого, зеленого и коричневого. Пахнет сухой землей, осенним ветром и выпечкой из пекарни через дорогу.

Мне не нужна компания. С гораздо бóльшим удовольствием я надела бы наушники и послушала музыку. Разговор с Тимом не клеится. Слова вроде бы складываются

в предложения, но каждая тема, едва начавшись, тут же обрывается неловким молчанием.

— Ты на соревнования в ноябре поедешь? — любопытно интересуется Шестаков.

Он ловко пинает обнаруженную среди листвы банку от колы, а я невольно сравниваю свою кроссовку с его: моя проигрывает почти в половину. Но я и ростом ниже Тима на голову, не меньше. Лениво отзываюсь:

— Не поеду. Андрей Владимирович говорит, лучше дотянуть до февраля, там будут всероссийские. На них у него большие планы.

— Это же в Москве, — хмыкает спутник и делает по жестянке новый удар, с грохотом запускаящий ее дальше по асфальту. — Но я тоже полечу, наверное, если билеты вывезу.

Киваю вместо ответа. Мы с детства учимся в одном классе, много лет вместе ходим на тренировки и ездим на соревнования. С Тимом хорошо драться и удобно дружить, но говорить не о чем. Но совместное прошлое притягивает нас друг к другу, словно каждое воспоминание сшивает тонкой невидимой леской, поэтому молчание не напрягает. И я просто шагаю рядом, выдувая пузыри из розовой жвачки.

За углом следующего за городским парком дома уже видны окна моей квартиры. На кухне горит свет. Странно. Мама редко приходит так рано. После развода она с головой ушла в работу, пустив воспитание и обучение дочери на самотек. Это дало мне больше свободы, поэтому я не жалуюсь.

— До завтра, — говорю я.

Тим останавливается и поворачивается ко мне, замирая на мгновение. Солнце уже садится, и последние лучи бьют Шестакову прямо в лицо. Красивые у него глаза: не голубые, как у меня, а темно-синие. Столько лет мы ви-

димся каждый день, а я только сейчас это заметила, потому что никогда раньше не видела в этих глазах столько сомнений и несвойственной ему хрупкой неуверенности.

— Ниса, — произносит он, касаясь моего локтя, — мы с тобой...

Блин-малин! Кажется, я понимаю — по взгляду, интонации, жестам — к чему он клонит. Непривычные нотки в голосе Тимура и то, как он наклоняется ко мне, слишком красноречивы. Мой одноклассник, вечный спарринг-партнер, друг и по совместительству главный хулиган школы вот-вот признается в каких-то чувствах, превышающих пределы вышеперечисленного. А я ощущаю лишь смятение и легкую панику.

— Стоп, Тим! — не даю ему произнести то, о чем мы оба будем жалеть. Не хочу ранить или обидеть его. Сама заканчиваю недосказанную фразу: — Мы с тобой друзья, и ничему этого не изменить. Пусть так и останется, ладно?

Шестаков смотрит пронзительно, пытаюсь понять смысл моих слов, а я смело встречаю его взгляд, давая понять, что честна с ним.

— Странная ты, Ниса, — хрипловато выдавливают он наконец. Склоняется ниже, и его губы оказываются рядом с моими. — Девчонки ведь только и мечтают о любви и романтике, а ты...

Три четверти моих одноклассниц дорого отдали бы за то, чтобы ощутить пахнущее табаком дыхание Шестакова на своих губах. Я не отодвигаюсь, но упираюсь ладонью ему в грудь, не позволяя приблизиться.

— А я неправильная, ты же знаешь. Давай не будем портить нашу дружбу!

Нет никакой любви. Это маркетинг, выдумка, чтобы книжки писать и фильмы снимать. Чтобы дураки, веря

в нее, женились и заводили детей, а потом разводились, разочаровавшись.

Шестаков — ожившая мечта не только половины старшекласниц нашей школы, но и всех девочек секции карате. Синеглазый блондин-спортсмен с амбициями и обаятельной улыбкой. Если бы любовь существовала, я точно влюбилась бы именно в него. Но я ощущаю лишь привязанность, а еще раздражение, ведь Тим чуть было не ляпнул то, что навсегда перечеркнуло бы нашу дружбу.

— Как скажешь, Романова, — нехотя говорит он наконец и отстраняется. — До завтра.

Тим резко отворачивается и с силой наступает на многотрадальную банку. Жестянка с оглушительным треском сжимается и, получив новый удар, улетает так далеко, что я не могу отследить точку ее приземления. Кажется, на уроках физики мы проходили, как можно рассчитать что-то подобное, но я терпеть не могу физику. Да и вообще учиться не люблю.

За грохотом не слышно тяжелого выдоха, и я только теперь осознаю, что все это время почти не дышала. Чего там дыхание — я чуть жвачку свою не проглотила. Глядя на быстро удаляющийся силуэт, размышляю, чего испугалась больше: перспективы потерять друга или неслучившегося поцелуя, который наверняка стал бы точкой невозврата в наших отношениях. Но тихий голосок интуиции подсказывает, что точка невозврата все равно пройдена и так, как прежде, уже не будет.

С этими невеселыми мыслями иду к дому. Доставать наушники нет смысла: зайти в подъезд, подняться на второй этаж, открыть дверь и войти — меньше одной песни. Но отчего-то я плетусь слишком медленно. Словно подсознание предупреждает, что ничего хорошего меня дома не ждет. Предчувствие — моя суперспособность,

поэтому я внутренне подбираюсь, готовясь к худшему. И не зря.

— Ничего не хочешь мне рассказать, Аниса Александровна? — интересуется мама таким угрожающим тоном, что сразу становится ясно: что бы я ни рассказала, катастрофы не избежать.

Обращение по имени-отчеству тоже подразумевает назревающий скандал. В последний раз она так называла меня, когда узнала о разбитом футбольным мячом стекле в учительской, в предпоследний — об огромном синяке под глазом у Семина (нечего обзывать меня овцой), в предпредпоследний — о белом уличном коте, которого я тайно притащила домой и отказалась уносить обратно.

Сейчас Арт как раз высовывает любопытный розовый нос, одно ухо и половину длинных белых усов из кухни, но в ссору предпочитает не вмешиваться, оставаясь молчаливым зрителем разворачивающегося в прихожей действия.

— Ты же и так, наверное, знаешь, раз спрашиваешь? — осторожно интересуюсь я, на ходу стаскивая кроссовки.

Стараясь не встречаться с ее разъяренным взглядом, достаю из спортивного рюкзака пустую бутылку для воды и смятую форму. Рассчитываю скрыться в ванной под предлогом бросить вещи в стирку и принять душ, но родительница воинственно скрещивает на груди руки и загораживает проход.

— Почему именно она? — с шипением отвечает мама вопросом на вопрос, и мои надежды на то, что ее злость вызвана не сегодняшним происшествием в школе, а чем-нибудь другим, рассыпаются в прах. — Почему ты, Ниса, не могла выбрать кого-нибудь другого для своих нападок?

Вскидываюсь и отвечаю почти так же яростно:

— Другого? Ты говоришь так, как будто я имела возможность выбирать. Как будто то, что произошло сегодня, — моя прихоть. Да Полуянова умышленно меня провоцирует, мам!

— Что ты говоришь! А ты совершенно не умеешь себя контролировать, и никакие тренировки тебе не помогают! Ты вообще понимаешь, что значит для меня разговаривать с ее матерью?

Я виновато опускаю голову. Стоит, пожалуй, объяснить, о чем речь. Три года назад мой отец не просто ушел из семьи — он ушел к матери Ксеньки Полуяновой из «А» класса.

Нельзя сказать, что мы с ней до этого слишком ладили, — ашки и вэшки всегда вели холодную войну. Но теперь Полуянова не упускает возможности меня поддеть, а я терпеть не могу оставлять выпады в свой адрес безнаказанными.

— Представь себе, Ниса, — продолжает мама тихо и грозно, — чего мне стоило извиниться перед ней за то, что моя дочь влепила в волосы ее дочери огромную розовую жвачку!

Хочется сквозь землю провалиться. Ну не думала я о маме, совершенно не думала. Когда Ксенька на всю столовую хвасталась, что дядя Саша пообещал ей новый айфон за отлично оконченную четверть, мое сознание сузилось до нас двоих: меня и Полуяновой. Я даже не сразу поняла, от чего меня больше коробит — от айфона или от фамильярности в отношении того, кого даже мне иногда хочется назвать по имени-отчеству. У меня было лишь одно желание — заткнуть Ксеньке рот. И я заткнула. А теперь, осознавая собственную ошибку, бормочу виновато:

— Извини, мам! Больше не повторится.

Мама сощуривает глаза и кивает:

— Не повторится.

Это звучит так уверенно и зловеще, что я невольно ежусь. Лучше бы она повысила голос, честное слово. Ни разу до этого она так не говорила, хотя я влипаю в неприятности с завидным постоянством. А на мой вопросительный взгляд мама отвечает:

— То, что ты почти три года была предоставлена самой себе, Ниса, моя ошибка. Я погрузилась в собственные проблемы и упустила твое воспитание. Казалось, что моя дочь достаточно взрослая, но ты раз за разом убеждаешь меня в обратном.

Это звучит как прелюдия к чему-то по-настоящему ужасному. Вдоль позвоночника пробегают ледяные мурашки. Но я уверена: что бы мама ни придумала, переживу, подстроюсь, и все будет как прежде.

— Просто кому-то требуется более жесткое воспитание, и ты, видимо, из таких, — продолжает мама. — Твоя классная сказала, что ты совсем отбилась от рук и она перестала с тобой справляться. Пока с нами был отец, ты держалась, а сейчас не только скатилась в учебе, но и ведешь себя так, что тебя со дня на день поставят на учет в полиции.

Обещаю, сама не уверенная в собственных словах:

— Я исправлюсь.

Но мама уже успела что-то решить, пока я была на тренировке. Представления не имею, на какие жуткие мысли ее навел разговор с нашей классной и матерью Полуяновой. Она уверенно кивает:

— Исправишься, Ниса. Теперь справишься. Потому что с завтрашнего дня будешь учиться в одиннадцатом «А».

#